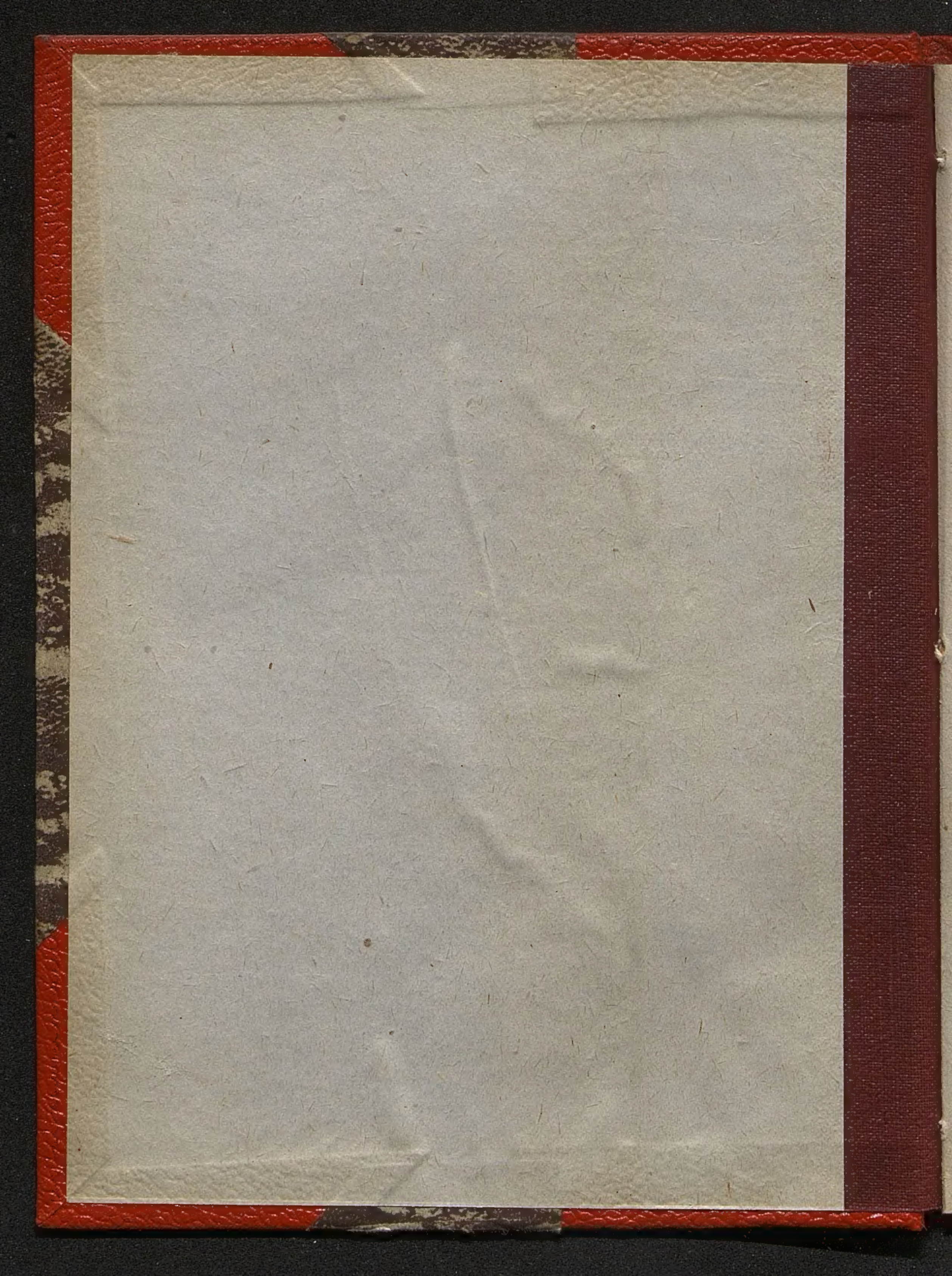
Соколов

Конец самодержавия





НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА „СВОБОДНОЕ СЛОВО"

В. СОКОЛОВЪ.

КОНЕЦЪ САМОДЕРЖАВІЯ.

Цѣна 10 коп.



ИЗД. Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина Пятницкая ул., соб. домъ.
1917.

Конецъ самодержавія.

Послѣдніе годы царствованія Николая II, освѣщенные кровавымъ заревомъ міроваго пожара, были годами послѣдней, отчаянной борьбы царскаго самодержавія съ народомъ. Отнимая мало-по-малу всѣ завоеванія народа въ 1905 г., царское правительство не останавливалось ни передъ чѣмъ въ той острой и напряженной борьбѣ противъ проведенія въ жизнь новаго политическаго строя, которую оно вело болѣе 10 лѣтъ съ русскимъ обществомъ и народомъ. Вмѣсто того, чтобы сосредототочивать всѣ живыя силы страны на борьбу съ жестокимъ врагомъ, угрожавшимъ существованію Россіи, какъ великой державы, царское правительство было всецѣло занято самой ожесточенной борьбой съ народнымъ представительствомъ — Государственной Думой, оказавшейся на высотѣ народныхъ надеждъ и организованной русской общественностью въ лицѣ Земскаго и Городского Союзовъ, кооперативныхъ и рабочихъ организацій. Великая война, объявленная Германіей Россіи вечеромъ 19 іюля 1914 г., разомъ всколыхнула всю страну. Вся Россія объединилась въ патріотическомъ движеніи защиты родины. На слѣдующій день Николай II во время выхода въ

Зимнемъ дворцѣ обратился къ представителямъ арміи и флота съ торжественнымъ заявленіемъ: «не заключать мира, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей». Въ тотъ же день былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ Николай II призывалъ населеніе «въ грозный годъ испытанія забыть внутреннія распри». Въ этотъ великій моментъ, казалось, былъ открытъ путь къ единенію царя съ народомъ. Но это только казалось. 26 іюля собралась Государственная Дума, которая ознаменовала это историческое засѣданіе торжественнымъ проявленіемъ единства всего народа. Явилось на засѣданіе и царское правительство во главѣ съ И. Л. Горемыкинымъ, памятнымъ народу своей борьбой съ первымъ народнымъ представительствомъ въ 1906 г. Но напрасно было ожидать отъ него признанія грѣховъ и ошибокъ, и глубоко былъ правъ А. Ѳ. Керенскій, когда бросилъ ему въ лицо обвиненіе въ томъ, что власть «не хочетъ забыть внутренней распри, не даетъ амнистіи борющимся за свободу и счастье страны, не хочетъ примириться съ нерусскими народностями». Подъемъ народныхъ чувствъ былъ такъ великъ, что въ пылу увлеченія предостерегающій голосъ А. Ѳ. Керенскаго не былъ услышанъ. Воззваніе великаго князя Николая Николаевича отъ 1 августа, обращенное къ полякамъ, также казалось порывало съ прошлымъ. Обѣщаніе «возсоединить живое тѣло Польши, растерзанной на куски, и возрожденіе ея свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ и въ самоуправленіи» наполняло радост-

нымъ ожиданіемъ польскія и русскія сердца. Порывъ одушевленія охватилъ всѣ слои русскаго общества. Извѣстный дѣятель революціоннаго движенія В. Л. Бурцевъ выразилъ вѣру «въ необходимость этой войны, которая ведется за право и цивилизацію». Мысль о томъ, что настоящая война есть освободительная и что борьба за побѣду надъ нѣмцами есть въ то же время и борьба за лучшее будущее Россіи, получила всеобщее распространеніе въ народѣ. Дѣйствительность, однако, не подтвердила народныхъ надеждъ. Царское правительство и не подумало искренно отвѣтить на призывъ А. Ѳ. Керенскаго «забыть внутреннія распри» и поспѣшило распустить Думу. Николай II не только не считалъ нужнымъ поддержать народный подъемъ, но всячески стремился его охладить. Прежде всего сочли возможнымъ, вопреки народнымъ желаніямъ, отсрочить засѣданія Государственной Думы до 1 февраля 1915 г. Затѣмъ 4 ноября близъ Петрограда были арестованы на тайномъ съѣздѣ представители соціалъ-демократической партіи, въ числѣ одиннадцати человѣкъ, среди коихъ было пять членовъ Государственной Думы: Петровскій, Бадаевъ, Мурановъ, Самойловъ и Шаговъ, съѣхавшіеся обсудить свое отношеніе къ войнѣ. Вопреки закону о неприкосновенности депутатовъ, они были преданы суду и были осуждены 13 февраля 1915 года на поселеніе. Эти событія сильно повліяли на общее единодушіе, которое установилось было въ началѣ войны. Та опасная игра, которую затѣяло царское прави-

тельство съ народомъ, не замедлила привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Уже въ январѣ 1915 г. отдѣльные члены Государственной Думы, побывавшіе на фронтѣ, указывали на значительные недочеты въ снабженіи нашей арміи снарядами и оружіемъ и командованіи арміей. Военный министръ Сухомлиновъ отвѣчалъ успокоительными завѣреніями. Дума не повѣрила Сухомлинову и рѣшила сама взять на себя высшій надзоръ за веденіемъ государственныхъ дѣлъ и снабженіемъ арміи всѣмъ необходимымъ. Но Николай II не хотѣлъ итти на уступки. Только военныя неудачи на фронтѣ, вызванныя крайнимъ недостаткомъ снарядовъ и ружей по преступной небрежности военнаго министра Сухомлинова, заставили его уступить. 12 іюля былъ, наконецъ, уволенъ Сухомлиновъ, запятнавшій себя обманомъ Государственной Думы и измѣной родинѣ. Находясь въ непрерывномъ общеніи съ лицами, частью изобличенными, частью заподозрѣнными въ шпіонствѣ, Сухомлиновъ не только оказывалъ имъ особое покровительство, но и нѣкоторымъ изъ нихъ содѣйствовалъ въ ихъ преступной работѣ. Все это, конечно, долженъ былъ знать Николай II, но онъ не хотѣлъ и допускать мысли объ измѣнѣ Сухомлинова. Когда, наконецъ, Государственная Дума и вся страна потребовали назначенія разслѣдованія дѣятельности Сухомлинова и назначенія верховной слѣдственной комиссіи, Николай II, скрѣпя сердце долженъ былъ, наконецъ, дать свое согласіе. На-

значая слѣдственную комиссію, Николай II все же обратился съ письмомъ къ своему вѣрному слугѣ. «Дорогой Владимиръ Александровичъ,—писалъ Николай II,—я призналъ за благо назначить верховную слѣдственную комиссію надъ дѣятельностью вашей, какъ военнаго министра. Пусть генералъ Н. П. Петровъ, назначенный предсѣдателемъ этой комиссіи, и народные избранники, входящіе въ составъ комиссіи, скажутъ вашимъ клеветникамъ въ Государственной Думѣ, что вы служили вѣрно царю и отечеству. Пусть теперь въ этомъ убѣдятся тѣ, которые считаютъ васъ виновникомъ ниспосланныхъ намъ Господомъ Богомъ боевыхъ неудачъ. Наша продолжительная совмѣстная работа убѣдила меня въ вашей преданности мнѣ и нашей родинѣ. Искренно васъ уважающій Николай».

Такъ дружественно писалъ Николай II измѣннику Сухомлинову, виновному въ той массѣ безполезно загубленныхъ жизней, которой ознаменовался великій отходъ русской арміи съ Карпатъ и съ береговъ Вислы. Собравшаяся 19 іюля 1915 года Государственная Дума рѣшила окончательно покончить съ сухомлиновщиной и сдѣлать войну дѣйствительно всенародной, давъ населенію прямое участіе въ дѣятельности для подготовки побѣды. Для достиженія этой цѣли Дума высказала убѣжденіе, что только лишь правительство, имѣющее за собой довѣріе страны, можетъ довести войну до побѣдоноснаго конца. Казалось, и тутъ Николай II шелъ навстрѣчу народу: передъ самымъ созывомъ Госу-

дарственной Думы были уволены ненавистные народу министры Щегловитовъ и Саблеръ. Но опасность не была только въ Сухомлиновѣ, Щегловитовѣ и др., она крылась въ той системѣ, въ томъ порядкѣ управленія страной, который пришелъ въ полный упадокъ. Въ отвѣтъ на требованіе народнаго представительства призвать въ составъ правительства людей, пользующихся довѣріемъ страны, Государственная Дума была распущена на продолжительное время. Глава правительства Горемыкинъ былъ замѣненъ Штюрмеромъ. Чувствуя, что война проигрывается, Николай II съ 23 августа взялъ на себя главное командованіе арміей, смѣстивъ великаго князя Николая Николаевича. Благодаря мѣрамъ, принятымъ начальникомъ штаба генераломъ Алексѣевымъ, удалось достигнуть того, что нѣмецкія войска были остановлены. Видя, что надвигается всеобщая разруха тыла, какъ въ отношеніи снабженія населенія и арміи продовольствіемъ, такъ и въ борьбѣ съ спекуляціей и разстройствомъ путей сообщенія, Николай II все же не пожелалъ прибѣгнуть къ помощи народа. Съ этого времени начинается такъ называемая «министерская чехарда». Министры мѣнялись чуть не каждую недѣлю, причемъ каждое новое назначеніе поражало своей неожиданностью. Все это порождало въ обществѣ и народѣ множество самыхъ тревожныхъ слуховъ о вліяніи на управленіе государствомъ Александры Ѳедоровны, преданной нѣмцамъ, и темныхъ силъ. Что же это были за темныя силы и какимъ

образомъ онѣ получили возможность вліять на управленіе государствомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ въ засѣданіи Государственной Думы 1 ноября 1916 года депутатъ П. Н. Милюковъ. Въ обширной, основанной на самыхъ неопровержимыхъ извѣстіяхъ, рѣчи Милюковъ бросилъ главѣ царскаго правительства Штюрмеру обвиненіе въ предательствѣ и измѣнѣ и, кромѣ того, во взяточничествѣ. Въ своей рѣчи Милюковъ привелъ извѣстіе изъ нѣмецкой газеты, въ которомъ злорадно указывалось, что нѣмцы могутъ быть спокойны, пока управленіе Россіей находится въ рукахъ «партіи, стоящей вокругъ молодой царицы», главными заправилами которой являются: Распутинъ, Питиримъ и Штюрмеръ. Это и были тѣ темныя силы, которыя вели Россію къ гибели. Послѣ первыхъ двухъ засѣданій предсѣдатель совѣта министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Б. В. Штюрмеръ былъ смѣщенъ, но старая система управленія осталась безъ измѣненія. Темныя силы праторжествовали попрежнему. Нѣмецкая газета правильно утверждала, что главою партіи, на которую смѣло могли положиться нѣмцы, была Александра Ѳедоровна. Ни одинъ министръ не могъ получить мѣста безъ ея желанія. На Николая II она имѣла подавляющее вліяніе. Въ присутствіи Александры Ѳедоровны Николай II не имѣлъ своего мнѣнія. За него говорила она, а царь молча соглашался. Въ чемъ секретъ вліянія Александры Ѳедоровны,—никто, никогда понять не могъ. Собственная мать и та не разъ недоумѣнно разводила руками. Молодая

царица не удовлетворялась царствованіемъ. Она стремилась управлять и управляла. Въ годы войны она неоднократно выѣзжала въ ставку. Здѣсь, запершись со своимъ ближайшимъ другомъ Анной Вырубовой, Александра Ѳедоровна до глубокой ночи занималась государственными дѣлами. Она набрасывала проекты указовъ и манифестовъ, намѣчала министровъ и губернаторовъ, назначая однихъ и смѣщая другихъ,—однимъ словомъ, она стремилась стать второй Екатериной. Но у этой новой и не великой Екатерины была слабость, которая и погубила ее, а съ ней и всю династію и монархію въ Россіи, эта слабость — Распутинъ. Проникнувъ во дворецъ въ качествѣ простеца, провидца и цѣлителя, пьяница и развратникъ Распутинъ сумѣлъ подчинить своему вліянію Александру Ѳедоровну и Николая II. — Трудно себѣ представить, — писалъ В. М. Пуришкевичъ, — то чрезвычайное, исключительное вліяніе, которое Распутинъ имѣлъ при дворѣ. Ни одно болѣе или менѣе крупное назначеніе не проходило безъ его вѣдома и участія. Предсѣдатель совѣта министровъ Треповъ пытался бороться съ вліяніемъ Распутина и свалить его ставленника министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова, прославившагося измѣннической бесѣдой съ нѣмецкимъ дипломатомъ въ Швеціи, но неудачно. И вотъ, убѣдившись въ тщетности всѣхъ своихъ попытокъ, Треповъ предпринялъ послѣднюю: убѣдить Распутина согласиться на увольненіе Протопопова. Для этого оставалось только одно средство—подкупить Распу-

тина. Треповъ долго колебался и, наконецъ, рѣшился послать къ Распутину своего шурина А. А. Мосолова съ предложеніемъ 150.000 руб. въ томъ случаѣ, если Распутинъ откажется отъ поддержки Протопопова. Въ первый разъ за свою «государственную» дѣятельность Распутинъ отказался отъ денегъ. Объясняется это очень просто. Распутину было невыгодно отказаться отъ поддержки Протопопова за 150.000 руб., такъ какъ за эту поддержку онъ получалъ значительно большую сумму отъ образовавшейся въ началѣ 1916 года въ Стокгольмѣ, въ Швеціи, партіи зеленыхъ. Партія состояла изъ нѣмецкихъ чиновниковъ, командированныхъ берлинскимъ правительствомъ въ Стокгольмъ для воздѣйствія на внутреннія государственныя дѣла Россіи.

Главнымъ представителемъ этой партіи въ Петроградѣ являлся Распутинъ, которому была дана опредѣленная инструкція—придавать государственной политикѣ такое направленіе, при которомъ увеличивалось бы внутреннее недовольство въ имперіи. «Министерская чехарда» явилась результатомъ распоряженій, исходившихъ изъ Стокгольма.

Таково было положеніе дѣлъ въ Россіи къ началу декабря мѣсяца 1916 года. 9 декабря собрался въ Москвѣ съѣздъ дѣятелей земскаго союза, на которомъ, несмотря на то, что онъ былъ разогнанъ полиціей, Г. Е. Львовъ успѣлъ сказать свою знаменитую рѣчь, въ которой освѣтилъ то отчаянное положеніе, въ какое попала Россія, и указалъ

изъ него выходъ. Въ своей рѣчи онъ между прочимъ сказалъ: «Въ такіе моменты, господа, нужны прежде всего самообладаніе и спокойствіе, нужна вѣра въ силы Россіи и мудрость народа. Нужна ясная цѣль и опредѣленная воля къ ней. Мы взывали къ власти, мы указывали на пропасть, къ которой они ведутъ царство и царя. Теперь на самомъ краю пропасти, когда, можетъ-быть, осталось нѣсколько мгновеній для спасенія, намъ остается воззвать только къ самому народу, къ Государственной Думѣ, законно представляющей народъ русскій, и мы взываемъ къ ней. Душа народная скорбитъ смертельно и тоскуетъ въ смертельныхъ мукахъ. Прислушайтесь къ нимъ, поймите ихъ, не расходитесь и найдите, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, пути спасенія родины. Будемъ всѣ настражѣ тяжко раненаго властью нашего дорогого отечества и спасемъ его, ибо никто уже спасти не можетъ, кромѣ самого народа... Вдохнемъ же въ него новыя силы, поднимемъ его на высоту духа, передъ которымъ не устоятъ никакія препятствія на нашемъ послѣднемъ пути къ конечной цѣли нашей — къ побѣдѣ надъ врагомъ и спасенію цѣлости, величія и чести родины. Оставьте дальнѣйшія попытки наладить совмѣстную работу съ настоящей властью, онѣ обречены на неуспѣхъ, онѣ только отдаляютъ насъ отъ цѣли. Не предавайтесь иллюзіямъ; отвернитесь отъ призраковъ. Власти нѣтъ, ибо въ дѣйствительности правительство не имѣетъ ея и не руководитъ страной. Безотвѣтственное не только

передъ страной и Думой, но и передъ самимъ монархомъ, оно преступно стремится возложить на него всю отвѣтственность за управленіе, подвергая тѣмъ страну угрозѣ государственнаго переворота. Имъ нуженъ отвѣтственный монархъ, за которымъ они прячутся. Странѣ нуженъ монархъ, охраняемый отвѣтственнымъ передъ страной и Думой правительствомъ. И да сбудутся слова писанія «камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла».

Въ тотъ же день на собраніи уполномоченныхъ губернскихъ земствъ была принята рѣшительная резолюція, въ которой между прочимъ было заявлено: «Пусть всѣ помнятъ, что путь къ побѣдѣ идетъ черезъ новыя великія напряженія, новыя испытанія патріотизма и любви къ Россіи. Опасность велика и грозна. Рѣшаются судьбы Россіи на многія поколѣнія и не должно быть среди насъ слабодушнаго унынія... Правительство, ставшее орудіемъ въ рукахъ темныхъ силъ, ведетъ Россію по пути гибели и колеблетъ царскій тронъ. Должно быть создано правительство, достойное великаго народа въ одну изъ величайшихъ минутъ его исторіи, сильное отвѣтственностью передъ народомъ и народнымъ представительствомъ и только когда это совершится, самыя великія трудности, стоящія передъ Россіей, не окажутся для нея непреодолимыми. Пусть Государственная Дума въ начатой ею рѣшительной борьбѣ, памятуя о своей великой отвѣтственности, оправдаетъ тѣ ожиданія, съ которыми

къ ней обращается вся страна, и пусть вся страна живетъ одной волей спасти Россію. Время не терпитъ, истекаютъ всѣ сроки и отсрочки, данные намъ исторіей».

Этотъ предостерегающій голосъ земской Россіи не былъ услышанъ Николаемъ II и дѣла продолжали итти своимъ чередомъ все хуже и хуже. Всѣ понимали, что такъ далѣе не можетъ продолжаться, что необходимо освободить страну отъ вліянія темныхъ силъ, губящихъ ее во имя своихъ мелкихъ корыстныхъ интересовъ. Понимали это и въ высшемъ петроградскомъ обществѣ. И вотъ среди кружка молодежи гвардейскихъ полковъ возникла мысль взять на себя заботу устранить Распутина. Душою и устроителемъ заговора противъ Распутина былъ князь Ф. Ф. Юсуповъ, женатый на великой княжнѣ Иринѣ Александровнѣ и принадлежавшій по этому браку къ императорской фамиліи. Въ заговорѣ принимали участіе вел. кн. Димитрій Павловичъ и депутатъ Государственной Думы В. М. Пуришкевичъ. Убійство произошло въ домѣ кн. Юсупова 17 декабря 1916 года. Но, конечно, убійство Распутина не могло спасти Россію. На мѣсто Распутина сразу явилось нѣсколько охотниковъ, изъ нихъ болѣе успѣшнымъ оказался министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, который несвоимъ голосомъ кричалъ на богослуженіяхъ въ дворцовой церкви, употребляя чисто хлыстовскія выраженія: «на меня накатилъ духъ Григорія Ефимовича».

При такихъ самыхъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ наступилъ роковой 1917 г. Вопреки всеобщему негодующему голосу у власти оставался Протопоповъ, а Государственная Дума, распущенная на Рождественскіе праздники, не была собрана въ срокъ, а снова отсрочена до половины февраля. Разруха тыла къ этому времени достигла крайнихъ размѣровъ; не хватало топлива для фабрикъ и заводовъ, хлѣба становилось все меньше и меньше, а хвосты гражданъ у булочныхъ въ столицахъ достигали самыхъ чудовищныхъ размѣровъ. Снабженіе арміи также разстроилось, запасовъ продовольствія могло хватить лишь на два-три дня. Въ этотъ моментъ собралась Государственная Дума и открыла свои засѣданія. Депутаты выступили съ рѣчами, но— странно!—въ нихъ не чувствовалось ни былого подъема, ни энергіи, ни вѣры въ возможность найти при наличіи царскаго правительства выходъ изъ создавшагося положенія. И народъ почувствовалъ, что собирается буря, что время словъ прошло, что наступило время безповоротныхъ рѣшеній и рѣшительныхъ дѣйствій. 23—25 февраля вспыхнули безпорядки въ Петроградѣ, вызванные недостаткомъ хлѣба и неумѣлымъ распредѣленіемъ его наличныхъ запасовъ. Передъ лицомъ тяжкаго бѣдствія, надвинувшагося на столицу, и вызваннаго этимъ бѣдствіемъ народнаго волненія, въ ту минуту, когда Государственная Дума напрягла свои силы, чтобы найти выходъ изъ труднаго и опаснаго положенія, когда ей, казалось, уже удалось добиться отъ пра-

вительства, по крайней мѣрѣ, частичнаго признанія совершонныхъ имъ ошибокъ и обѣщанія соотвѣтствующихъ этому признанію уступокъ, въ эту самую минуту представители страны были внезапно устранены отъ участія въ рѣшеніи ея дѣлъ. Думская работа въ самый важный и отвѣтственный моментъ ея была прервана на полусловѣ. 27 февраля послѣдовалъ указъ о роспускѣ Государственной Думы, что послужило новымъ и сильнымъ толчкомъ къ дальнѣйшему развитію движенія, принявшему съ 25 февраля характеръ явно политическій—революціонный, 26 февраля первымъ возсталъ Павловскій полкъ. 27 февраля во главу революціи стала Государственная Дума. Совѣтъ старѣйшинъ Государственной Думы, собравшись въ экстренное засѣданіе и ознакомившись съ указомъ о роспускѣ, постановилъ: Государственной Думѣ не расходиться. Всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Въ этотъ же день на сторону Думы перешли слѣдующія воинскія части, Волынскій, Преображенскій, Литовскій, Кексгольмскій полки и саперный батальонъ. Такимъ образомъ на сторонѣ революціоннаго народа было уже около 25.000 воинскихъ чиновъ. 28 февраля и 1 марта Москва также всецѣло перешла на сторону Государственной Думы и возставшаго народа, почти безъ кровопролитія свергнувъ царскихъ властей и замѣнивъ ихъ народными.

Что же въ это время дѣлалъ Николай II, какъ онъ относился къ событіямъ? Въ серединѣ февраля

Николай II уѣхалъ въ ставку—Могилевъ, гдѣ жилъ, не имѣя представленія о томъ, что готовится въ Петроградѣ. 26 февраля предсѣдатель Государственной думы М. В. Родзянко обратился къ Николаю съ слѣдующей телеграммой:

«Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общее неудовольствіе, на улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба, части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство, медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца». Отвѣта на телеграмму не послѣдовало. 27 февраля утромъ М. В. Родзянко обратился къ Николаю II съ послѣдней телеграммой: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно, насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи». И въ этотъ страшный часъ Николай II промолчалъ.

Лишь глубокой ночью 28 февраля послѣ ряда отчаянныхъ телеграммъ Александры Ѳеодоровны Николай II выѣхалъ въ Царское Село. Но было уже поздно. По линіямъ желѣзныхъ дорогъ уже шла телеграмма депутата Бубликова о сверженіи стараго правительства. На станціи Лихославль дворцовому коменданту Воейкову доложили о телеграммѣ Бубликова. Онъ выслушалъ, махнулъ рукой и прика-

залъ ѣхать дальше. Пріѣхали въ Бологое. Здѣсь получено было извѣстіе, что станціи Тосно и Любань заняты возставшими войсками. Воейковъ и на этотъ разъ не обратилъ никакого вниманія и приказалъ ѣхать дальше. Двинулись впередъ. Дошли до Малой Вишеры и стали; дальше ѣхать было нельзя; такъ какъ свитскій поѣздъ, который шелъ впереди, былъ задержанъ. Тутъ уже растерялся и самъ Воейковъ и, подумавъ немного, отправился будить Николая II. Узнавъ о случившемся, Николай II приказалъ повернуть поѣздъ на Псковъ, чтобы стать подъ защиту генерала Рузскаго и его войскъ. Въ одной изъ московскихъ газетъ появилось сообщеніе корреспондента о поѣздкѣ Николая II изъ ставки въ Псковъ. Корреспондентъ, между прочимъ, сообщилъ содержаніе очень интересной бесѣды Николая II съ Воейковымъ о томъ, какъ подавить революцію. Во время этой бесѣды генералъ Воейковъ будто бы совѣтовалъ Николаю II «открыть минскій фронтъ, чтобы нѣмцы проучили русскую сволочь». Когда впослѣдствіи Воейковъ былъ арестованъ, въ поѣздѣ къ нему зашелъ министръ юстиціи А. Ѳ. Керенскій и далъ прочитать газету, въ которой сообщалось о бесѣдѣ его съ Николаемъ Романовымъ. Прочитавъ газету, Воейковъ сказалъ А. Ѳ. Керенскому: «Эти слова сказалъ не я, а Николай II; онъ при этомъ былъ въ состояніи сильнаго опьянѣнія и поэтому не слѣдуетъ придавать имъ особаго значенія». Такъ вотъ въ чьихъ рукахъ находились судьбы Россіи и вотъ подъ чьими со-

вѣтами и наставленіями принимались рѣшенія о нуждахъ нашей страны. Въ Псковъ пріѣхали въ 9 часовъ вечера 1 марта.

На вокзалѣ Николая II встрѣтилъ генералъ Рузскій. Между главнокомандующимъ фронтомъ и Николаемъ II произошла продолжительная бесѣда. Генералъ настойчиво убѣждалъ царя, пока не поздно, итти на уступки. Но Николай II былъ непреклоненъ. Лишь поздно вечеромъ царь сдался и сообщилъ главнокомандующему фронтомъ, что онъ согласенъ дать отвѣтственное министерство. Генералъ Рузскій съ сомнѣніемъ покачалъ головой и въ 5 часовъ утра рѣшилъ по прямому проводу переговорить съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко. Утромъ 2 марта, когда Николай II всталъ, главнокомандующій фронтомъ заявилъ царю, что изъ разговора съ предсѣдателемъ Государственной Думы онъ убѣдился, что уступки царя уже запоздали— отвѣтственное министерство никого не удовлетворяетъ. Необходимо итти на дальнѣйшія и крупныя жертвы. «Какія же?» тихо спросилъ царь. «Нужно отречься отъ престола». Николай II промолчалъ. Днемъ стало извѣстно, что царь составилъ телеграмму объ отреченіи своемъ отъ престола въ пользу наслѣдника Алексѣя. И эта уступка запоздала. Телеграмму уже не пришлось послать, ибо днемъ изъ Петрограда пришло сообщеніе, что въ Псковъ выѣзжаютъ членъ временнаго правительства А. И. Гучковъ и членъ исполнительнаго комитета Государственной Думы Шульгинъ. Около 10 ча-

совъ вечера 2 марта прибыли въ Псковъ комиссары Государственной Думы. Огромная толпа, собравшаяся на вокзалѣ къ моменту ихъ пріѣзда, встрѣтила Гучкова и Шульгина громовымъ ура. Комиссары прошли къ царю. Николай II принялъ комиссаровъ въ салонъ-вагонѣ. При бесѣдѣ комиссаровъ съ царемъ присутствовали генералъ Рузскій, министръ двора Фредериксъ и генералъ-майоръ Нарышкинъ. Бесѣду началъ А. И. Гучковъ, который сначала изложилъ положеніе дѣлъ, стараясь выяснить Николаю II до какой бездны дошла Россія. Закончилъ свою рѣчь Гучковъ тѣмъ, что указалъ царю на единственный выходъ изъ положенія—отреченіе отъ престола въ пользу маленькаго Алексѣя съ назначеніемъ регентомъ великаго князя Михаила Александровича. Когда Гучковъ кончилъ, Николай II сказалъ совершенно спокойно какъ-будто о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ: «Я вчера и сегодня цѣлый день думалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До 3-хъ часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу своего сына. Затѣмъ я понялъ, что разстаться со своимъ сыномъ я не способенъ. Поэтому я рѣшилъ отречься отъ престола въ пользу моего брата». На это Шульгинъ отвѣтилъ, что это предложеніе застаетъ ихъ врасплохъ и что они должны посовѣтоваться наединѣ съ Гучковымъ, чтобы дать согласованный отвѣтъ. Посовѣтовавшись, комиссары выразили согласіе на отреченіе въ пользу Михаила Александровича. Послѣ этого Николай II спросилъ комиссаровъ, могутъ ли

они принять на себя законную отвѣтственность и дать законную гарантію въ томъ, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ какихъ-либо осложненій. На это комиссары отвѣтили, что насколько они могутъ предвидѣть такихъ осложненій ждать не приходится. Затѣмъ царь ушелъ въ сосѣдній вагонъ подписать отреченіе. Черезъ четверть часа Николай II вновь вошелъ въ салонъ-вагонъ, держа въ рукахъ листочки небольшого формата, на которыхъ былъ написанъ на машинкѣ актъ отреченія. Это былъ послѣдній манифестъ, которымъ закончилось царствованіе Николая II и, вѣроятно, вообще существованіе монархіи въ Россіи.

Отреченіе Николая II.

Вотъ текстъ этого историческаго акта:

«Божіею милостію мы Николай II, императоръ всероссійскій, царь польскій, великій князь финляндскій и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ: въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новыя тяжкія испытанія. Начавшіяся внутреннія волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ на-

прягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными союзниками нашими сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть.

«Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу, благословляя его на вступленіе на престолъ государства Россійскаго.

«Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и нерушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

«Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

«Да поможетъ Господь Богъ Россіи!

Псковъ, 2 марта 1917 г.,
15 часовъ.

Николай».

Скрѣпилъ министръ императорскаго двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ.

Актъ былъ написанъ на двухъ или трехъ листочкахъ небольшого формата на пишущей машинкѣ. На заглавномъ листкѣ стояло: «ставка», а справа—«начальнику штаба». Подпись была сдѣлана карандашомъ. Это событіе огромной исторической важности произошло между 11 и 12 часами въ ночь на 3 марта. Въ этомъ манифестѣ Николай II вспомнилъ и о благѣ народа и отъ опасности отъ нашествія врага, но онъ вспомнилъ объ этомъ только тогда, когда народъ и войско возстали, а когда его министры продавали нѣмцамъ Россію, доводили народъ до голоданія, предавали армію врагу, онъ объ этомъ не вспоминалъ и когда въ народъ стрѣляли Протопоповскіе пулеметы, онъ молчалъ. Послѣ этого комиссары простились съ бывшимъ царемъ. Черезъ полчаса послѣ передачи акта объ отреченіи и отъѣзда комиссаровъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы поѣздъ Николая II направился черезъ Двинскъ въ ставку въ Могилевъ, куда и прибылъ 4 марта, въ 6 часовъ вечера. Николай II поѣхалъ въ ставку, чтобы проститься съ войсками. На слѣдующій день Николай II обратился съ рѣчью къ собраннымъ войскамъ, имѣвшимъ красные флаги революціи. Въ своей рѣчи бывшій царь призывалъ войска быть вѣрными новому правительству и довести войну до побѣдоноснаго конца.

Далѣе, передъ великой русской революціей стоялъ вопросъ о принятіи трона великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. 3 марта въ Петро-

градѣ члены Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и Временнаго Правительства собрались въ полномъ составѣ во дворцѣ, гдѣ находился Михаилъ Александровичъ. Когда вышелъ великій князь, предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко изложилъ положеніе дѣла и добавилъ, что рѣшеніе вопроса о принятіи имъ престола будетъ зависѣть отъ великаго князя, что онъ долженъ дать совершенно свободный отвѣтъ, что никакого давленія на него никто не долженъ производить и отвѣтъ онъ долженъ дать теперь же до отъѣзда членовъ Комитета. Начался обмѣнъ мнѣній, во время котораго нѣкоторые высказались противъ отреченія Михаила Александровича, но большинство за, находя, что великому князю, въ виду сложившихся обстоятельствъ, слѣдуетъ предоставить рѣшеніе о формѣ правленія Учредительному Собранію.

Всѣ говорившіе подчеркивали, что они ни въ какомъ случаѣ не намѣрены оказывать ни малѣйшаго давленія на рѣшеніе великаго князя. Послѣ обмѣна мнѣній Михаилъ Александровичъ замѣтилъ, что онъ желалъ бы побесѣдовать наединѣ съ М. В. Родзянко и В. Н. Львовымъ. М. В. Родзянко возразилъ: «Мы всѣ представляемъ изъ себя одно цѣлое и частныхъ разговоровъ никто изъ насъ не можетъ вести». А. Ѳ. Керенскій съ этимъ не согласился. «Нашъ нравственный долгъ,—сказалъ онъ,—предоставить великому князю всю возможность для свободнаго рѣшенія вопроса и мы не должны возражать противъ частной бесѣды, при томъ,

однако, условіи, чтобы на рѣшеніе великаго князя не было произведено никакихъ вліяній со стороны, чтобы не было допущено никакихъ телефонныхъ переговоровъ». Великому князю было разрѣшено побесѣдовать со своею супругою, но онъ отказался, замѣтивъ, что супруга его въ Гатчинѣ. Продолжительная бесѣда великаго князя съ М. В. Родзянко и В. Н. Львовымъ имѣла мѣсто въ сосѣдней комнатѣ. Спустя нѣкоторое время, великій князь вышелъ и заявилъ, что безъ одобренія народа онъ не считаетъ для себя возможнымъ принять престолъ. Онъ отказывается отъ него и предоставляетъ народу самому черезъ Учредительное Собраніе избрать тотъ или иной способъ правленія. Великій князь добавилъ, что онъ старался выбрать то рѣшеніе, которое могло бы спасти родину, при чемъ онъ не руководствовался никакими личными желаніями и соображеніями. Рѣшеніе великаго князя было встрѣчено молча, лишь А. Ѳ. Керенскій заявилъ: «Ваше высочество! Вашъ поступокъ оцѣнитъ исторія, ибо онъ дышитъ благородствомъ. Онъ высоко патріотиченъ и обнаруживаетъ большую любовь къ родинѣ». Великій князь спокойно подписалъ актъ отреченія и вручилъ его М. В. Родзянко. Въ своемъ обращеніи къ народу великій князь Михаилъ Александровичъ писалъ:

Заявленіе Михаила Александровича.

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшаго мнѣ императорскій Всероссійскій

престолъ въ годину безпримѣрной борьбы и волненій народа.

«Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если таковая будетъ воля великаго народа нашего, которому и подлежитъ всенароднымъ голосованіемъ избрать представителей своихъ въ Учредительное Собраніе, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

«Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредъ до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Петроградъ,
3 марта 1917 г.

Михаилъ».

Такимъ образомъ въ Россіи установился временный порядокъ управленія вплоть до созыва Учредительнаго Собранія, которое только и можетъ окончательно опредѣлить форму правленія для нашего отечества. Въ виду того, что пребываніе на свободѣ Николая II вызывало народное волненіе и безпокойство, Временное Правительство въ засѣданіи 7 марта постановило признать отрекшагося

императора Николая II и его супругу Александру Θедоровну лишенными свободы и доставить отрекшагося императора въ Царское Село. Выполненіе постановленія Временнаго Правительства относительно Николая II, по соглашенію Временнаго Правительства съ Исполнительнымъ Комитетомъ Государственной Думы, было возложено на членовъ Думы А. А. Бубликова, С. Ф. Грибунина, В. М. Вершинина и С. А. Калинина. Эти комиссары 7 марта экстреннымъ поѣздомъ выѣхали съ Царскосельскаго вокзала въ Могилевъ. 8 марта, въ 3 часа, дня поѣздъ съ комиссарами Временнаго Правительства прибылъ на станцію Могилевъ. Затѣмъ они отправились на автомобиляхъ въ штабъ главнокомандующаго. А. А. Бубликовъ передалъ генералу Алексѣеву предписаніе Временнаго Правительства о лишеніи свободы бывшаго императора. Изъ личной съ нимъ бесѣды комиссары узнали, что генералъ Алексѣевъ былъ заранѣе освѣдомленъ о цѣли ихъ пріѣзда и взялъ на себя порученіе передать постановленіе Временнаго Правительства Николаю II, который въ это время находился на вокзалѣ, въ стоявшемъ тамъ на запасныхъ путяхъ поѣздѣ Маріи Θедоровны. Генералъ Алексѣевъ сообщилъ комиссарамъ, что поѣздъ, въ которомъ Николай II долженъ отправиться въ Царское Село, уже готовъ и ожидаетъ распоряженія комиссаровъ, чтобы двинуться въ путь. Комиссары потребовали, чтобы имъ былъ показанъ полный списокъ лицъ, сопровождающихъ Николая II. Пріѣхавъ на вокзалъ, генералъ Алексѣевъ вошелъ

въ вагонъ къ царю и сообщилъ ему постановленіе Временнаго Правительства о лишеніи его свободы и прибытіи въ Могилевъ комиссаровъ. Комиссары Государственной Думы ни въ какіе переговоры съ нимъ не входили. По приказанію генерала Алексѣева въ распоряженіе комиссаровъ былъ данъ нарядъ солдатъ изъ десяти человѣкъ желѣзнодорожнаго батальона подъ командой унтеръ-офицера. Николай перешелъ изъ вагона матери черезъ платформу въ свой поѣздъ. Поѣздъ былъ сформированъ въ обычномъ составѣ и заключалъ въ себѣ десять вагоновъ. Вагонъ комиссаровъ былъ прицѣпленъ заднимъ. Въ 4 часа 50 минутъ поѣздъ отошелъ изъ Могилева при гробовомъ молчаніи бывшихъ на перронѣ лицъ и въ 11 часовъ 30 минутъ утра 9-го марта подошелъ къ Царскосельскому вокзалу. Къ его приходу на платформѣ находились начальникъ царскосельскаго гарнизона, комендантъ станціи и другія начальствующія лица. Николай II вышелъ изъ вагона и въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ Царскаго Села отбылъ на автомобилѣ въ Александровскій дворецъ, гдѣ находилась его семья. По пути его слѣдованія народа не было. Во дворцѣ Николая II встрѣтилъ дежурный по охранѣ. Николай II занялъ отведенное ему помѣщеніе. Постановленіе Временнаго Правительства о лишеніи свободы бывшей императрицы Александры Ѳедоровны съ дѣтьми и ея свитой привелъ въ исполненіе главнокомандующій войсками петроградскаго округа генералъ Корниловъ 8 марта. Ко дворцу были приставлены части войскъ мѣстнаго

гарнизона, на которыхъ возложена охрана Александровскаго дворца.

Такъ было приведено въ исполненіе постановленіе Временнаго Правительства отъ 7 марта о лишеніи свободы бывшаго царя и его жены.

Такъ окончилось царствованіе Николая II.

Подводя итогъ послѣднимъ годамъ царствованія Николая II, невольно является вопросъ, что же за человѣкъ былъ Николай Александровичъ Романовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ будущемъ дасть безпристрастный судъ исторіи, спокойно разобравшись во всѣхъ подробностяхъ минувшаго царствованія; лишь исторіи принадлежитъ прово постановить рѣшающій приговоръ о немъ. Для насъ, современниковъ, эти событія слишкомъ близки, чтобы мы могли къ нимъ отнестись спокойно и безпристрастно, мы сумѣли бы окончательно ихъ оцѣнить. Но все же нѣкоторая оцѣнка допустима и для насъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ о личности Николая II цѣнныя свидѣтельства великаго писателя земли Русской Льва Николаевича Толстого и извѣстнаго историка, близко стоявшаго къ Николаю Романову, великаго князя Николая Михайловича и герцога Н. Н. Лейхтенбергскаго, который несъ обязанности флигель-адъютанта въ историческіе дни переворота и имѣлъ возможность наблюдать Николая II въ эти роковые дни, когда личность его могла проявиться во всей ея полнотѣ, тѣмъ болѣе, что въ эти дни онъ былъ одинъ и его рѣшенія отнюдь нельзя объяснить прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Але-

ксандры Өедоровны. Великій писатель земли Русской Левъ Николаевичъ Толстой считалъ Николая II «малоумнымъ, глубоко суевѣрнымъ и непросвѣщеннымъ человѣкомъ». Этотъ отзывъ нѣсколько дополняетъ великій князь Николай Михайловичъ, говоря о Николаѣ II, что онъ былъ человѣкомъ, который «мягко стелетъ да жестко спать». Излюбленнымъ способомъ дѣйствій для Николая II являлся іезуитскій способъ обезоруживать человѣка обаятельной любезностью и потомъ, усыпивъ вниманіе, наносить предательскій ударъ въ спину. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ разсказъ гр. С. Ю. Витте о той двойной игрѣ, которую велъ Николай II по отношенію къ Франціи и Германіи. Продолжая поддерживать франко-русскій союзъ, Николай II подписалъ въ 1905 году тайный оборонительно-наступательный союзъ съ Вильгельмомъ II, чтобы найти поддержку своему колебавшемуся тогда трону въ нѣмецкихъ штыкахъ, не остановившись передъ явнымъ предательствомъ нашей свободолюбивой союзницы. Герцогъ Н. Н. Лейхтенбергскій характеризуетъ Николая II, какъ безвольнаго и слабохарактернаго человѣка. Онъ былъ опутанъ со всѣхъ сторонъ преступными людьми, которые всячески пользовались его именемъ и властью, чиня въ странѣ безправіе и произволъ. Роковую роль въ этой страшной трагедіи русской монархіи сыграли Александра Өедоровна, Вырубова и Воейковъ. Но самымъ зловреднымъ изъ нихъ былъ Ванька-Каинъ — бывшій министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Николаемъ II

кончится, вѣроятно, императорскій періодъ русской исторіи и начнется новый періодъ исторіи Россіи свободной, демократической. Свобода принесетъ Россіи побѣду, силу и крѣпость и выведетъ ее на широкій путь государственнаго и общественнаго устройства, на новыхъ началахъ, при которыхъ уже не будетъ возможна власть такихъ людей, какъ Николай Романовъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ,

ИХЪ ПОЛЬЗА ДЛЯ НАРОДА И ВЫГОДНОСТЬ ПОКУПКИ ИХЪ ОБЛИГАЦІЙ.

Государству, какъ и отдѣльному человѣку, иногда не хватаетъ тѣхъ денегъ, которыя оно обычно получаетъ. Нападаетъ на государство непріятель, начинается война,—нужны деньги. Наступаетъ, какъ теперь въ Россіи, такое время, когда можно и нужно сдѣлать скорѣе народъ грамотнымъ, построить желѣзныя дороги, научить крестьянъ, какъ выгоднѣе обрабатывать землю,—опять нужно много денегъ. А гдѣ ихъ взять? Увеличивать на много налоги—нельзя, народу будетъ тяжело и вмѣсто пользы можетъ выйти разореніе.

Какъ быть? Нужно занять деньги. Государство, какъ и отдѣльные люди, выдаетъ тому, у кого оно займетъ деньги, расписку „облигацію", по которой обязуется уплатить долгъ къ сроку и платить уговоренные проценты. Одолжить деньги государству выгоднѣе, чѣмъ давать въ долгъ отдѣльнымъ людямъ. Тѣ могутъ не отдать, умереть или обѣднѣть.

Государство—другое дѣло. Оно всегда отдастъ долгъ, да и проценты, когда приходитъ срокъ, можно получить по купону сейчасъ же въ казначействѣ или въ другомъ мѣстѣ. Бываетъ одолжишь кому-либо деньги, а вдругъ черезъ нѣкоторое время они и самому понадобятся да поздно,—до срока получить нельзя. Государственную бумагу всегда можно продать,—ее всякій купитъ. Если жаль продать бумагу, можно заложить ее въ каждомъ банкѣ.

Во Франціи народъ давно понялъ, какъ выгодно покупать бумаги государственныхъ займовъ. Почти каждый французскій крестьянинъ имѣетъ такія бумаги.

Сейчасъ новое, народное правительство въ Россіи выпускаетъ „Заемъ Свободы", чтобы скорѣе кончить войну и помочь странѣ стать просвѣщенной и сильной. Самая маленькая бумага этого займа стоитъ 42 р. 50 к.—а процентовъ каждый годъ даетъ 2 р. 50 к. Когда ей придетъ срокъ—за нее правительство платитъ 50 руб. Бумагу эту можно купить во всѣхъ сберегательныхъ кассахъ, казначействахъ и банкахъ. Всякому у кого есть свободныя деньги выгодно купить такую бумагу.

И себѣ польза и государству польза.

